

Молитвенныя храмины и открытые христіанскіе храмы первыхъ трехъ вѣковъ.

Гдѣ и какъ происходили собранія первыхъ христіанъ для молитвы, —общій отвѣтъ на это даютъ Дѣянія и Посланія Апостольскія, особенно вторая глава книги Дѣяній, гдѣ въ 46 стихѣ говорится слѣдующее: „*И каждый день (апостолы съ другими вѣрующими) единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца*“. Отсюда ясно открывается существованіе у первыхъ христіанъ общихъ съ іудеями публичныхъ собраній *въ храмѣ* (*ἐν τῷ ἱερῷ*) и болѣе тѣсныхъ и замкнутыхъ *по домамъ* (*κατ' οἴκον*). Первые были необходимымъ слѣдствіемъ возникновенія христіанства среди іудейства и близкихъ отношеній Иисуса Христа и Его учениковъ къ Іерусалимскому храму. Хотя исповѣданіе Христа и крещеніе въ Него проводили рѣзкую грань между обществомъ іудейскимъ и первохристіанскимъ, но ветхозавѣтное Писаніе и молитва, насколько онѣ входили въ составъ храмоваго еврейскаго богослуженія, могли служить какъ-бы преемственною христіанства для іудеевъ и приготавливали ихъ къ послѣднему особенно своею прообразовательною стороною. Вторыя, то есть, собранія по домамъ отвѣчали потребностямъ первыхъ христіанъ, какъ особаго религіознаго общества, выходили изъ ихъ естественнаго стремленія уединиться, отправлять собственные обряды, молиться своему Богу въ средѣ своихъ собратьевъ и единовѣрцевъ. Если первые имѣли главнымъ образомъ миссіонерскую задачу и посѣщались христіанами изъ іудеевъ, то послѣднія удовлетворяли религіознымъ интересамъ христіанскаго общества и служили средствомъ для взаим-

наго единенія и сношеній между собою его членовъ. Въ смѣшанныхъ храмовыхъ собраніяхъ, конечно, не было мѣста для совершенія таинства евхаристіи и вообще христіанскаго богослуженія. Это послѣднее происходитъ въ домашнихъ закрытыхъ собраніяхъ христіанъ. Со временемъ послѣднія взяли перевѣсъ надъ первыми и послужили почвою, гдѣ зародился и мало по малу созрѣвалъ христіанскій обрядъ и постепенно слагались тѣ литургическія и дисциплинарныя требованія, съ которыми должны были сообразоваться впослѣдствіи открытыя храмы христіанъ.

Какъ только образовалось зерно христіанской общины, члены ея въ числѣ ста двадцати человѣкъ собираются въ Іерусалимѣ въ особой горницѣ, гдѣ и пребываютъ всѣ единодушно въ молитвѣ и моленіи (Дѣян. II, 13—14. 16.). Неизвѣстно, была ли это та самая горница, въ которой Христосъ совершилъ съ учениками Своими пасхальную вечерю и установилъ таинство евхаристіи, какъ предполагаютъ нѣкоторые; но нѣтъ сомнѣнія, что она была собственностію кого-либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой небольшой общинѣ. Когда число членовъ іерусалимской общины вслѣдствіе вдохновенной проповѣди ап. Петра въ день Пятидесятницы значительно увеличилось и одного дома, какъ-бы онъ ни былъ помѣстителенъ, оказалось недостаточно, вѣрующіе стали собираться для молитвъ и преломленія хлѣба по домамъ *группами* или кружками. Эти первыя мѣста собраній христіанъ были *молитвенными храмами*, молебными въ частныхъ домахъ, а не храмами въ строгомъ смыслѣ слова. Христіанство начало съ нихъ, какъ начинается всякая вновь возникающая религіозная община, у которой и богослуженіе находится еще въ зародышѣ и потому не требуетъ сложныхъ приспособленій для своего совершенія, и внѣшнее положеніе не обезпечено, да и средства матеріальныя не велики, такъ что и при желаніи улучшить и развить обрядовую обстановку оказываются неодолимыя препятствія. У христіанъ перваго времени такого стремленія, нужно замѣтить, и не было. То, что называется теперь богослуженіемъ или культомъ, было у нихъ такъ несложно и однообразно, что легко обходилось простыми домашними средствами. Они соблюдали извѣстные часы молитвы, образцомъ для которыхъ послужилъ обычай іерусалимскаго храма,

и которые у христіанъ получили особый религіозный характеръ по воспоминаніямъ о Христѣ, съ ними связаннымъ. Но молиться ли въ эти знаменательные сроки дня, или независимо отъ нихъ, конечно, можно было съ полнымъ удобствомъ дома. Христіане такъ и дѣлають: они собираются для общихъ молитвъ въ домахъ своихъ единовѣрцевъ и у себя дома упражняются въ одиночной молитвѣ. Что же касается до совершенія евхаристіи, то это не было въ началѣ какое-нибудь сложное литургическое дѣйствіе съ широкою обрядовою обстановкою; въ своей первоначальной формѣ это было простое съ внѣшней стороны, но таинственное съ внутренней *преломленіе хлѣба и благословеніе чаши*, совершавшіяся съ извѣстными молитвами предстоятелемъ собранія.

Когда въ день воскресный или въ присутствіи апостоловъ составлялись многолюдныя собранія, для нихъ избирались болѣе просторныя помѣщенія въ домахъ состоятельныхъ владѣльцевъ-христіанъ, и самое богослуженіе являлось уже съ болѣе развитою обрядовою обстановкою. Въ такомъ видѣ изображаетъ ап. Павелъ молитвенныя собранія христіанъ въ Коринѣ, гдѣ происходило и чтеніе Писанія съ объясненіемъ его, и пѣніе гимновъ, и евхаристія съ агапами. На языкѣ Апостольскихъ Посланій это называется сходиться вмѣстѣ (*ἐπι τὸ αὐτό*), а самыя собранія обозначаются словомъ *ἐκκλησία*. Эти многолюдныя собранія и въ вѣкъ апостольскій, повидимому, отличались отъ тѣсныхъ семейныхъ кружковъ и назывались *церквами*, то есть, собраніями *κατ' ἐξοχήν*. Они ясно противоплагаются домамъ, служившимъ житейскимъ цѣлямъ и неимѣвшимъ литургическаго назначенія. Такъ ап. Павелъ; упрекая коринескихъ христіанъ въ неприличномъ поведеніи на общихъ вечерахъ любви, указавъ на жадность, съ какою нѣкоторые позволяли себѣ пользоваться общественнымъ столомъ, говоритъ въ заключеніе: *развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить, или пренебрегаете церковь Божию и унижаете немощныхъ*“ (1 Кор. XI, 18. 20—22. 33—34; см. XIV, 34—35)? Здѣсь церковь (*ἐκκλησία*) есть нѣчто совершенно отличное отъ дома (*οἶκος*); она противопоставляется ему не какъ помѣщеніе, не какъ мѣсто собранія, а по своему назначенію для особыхъ отправленій, имѣющихъ религіозный литургическій характеръ. Такимъ образомъ слово *ἐκκλησία*

не даетъ никакихъ указаній на внѣшній видъ молитвенныхъ зданій, молитвенныхъ помѣщеній, и удобно мирится съ каждымъ изъ нихъ, начиная простымъ домомъ и кончая самымъ совершеннымъ византійскимъ храмомъ. Равнымъ образомъ и названіе христіанскихъ церквей *молитвеннымъ домомъ* или просто *домомъ* не всегда указываетъ на домовыя помѣщенія для богослужебныхъ собраній, но весьма часто прилагается къ церквамъ, какъ открытымъ зданіямъ, какими безъ сомнѣнія онѣ были въ IV вѣкѣ. Обозначеніе это важно въ исторіи церковной архитектуры, какъ воспоминаніе о той порѣ, когда храмы были въ домахъ и когда христіанское богослуженіе замыкалось всецѣло въ ихъ предѣлахъ. Въ этомъ же общемъ смыслѣ собранія слѣдуетъ понимать и тѣ выраженія ап. Павла, въ которыхъ онъ обращается къ Акилѣ и Прискиллѣ, Нимфану, Филимону и другимъ, привѣтствуя ихъ вмѣстѣ съ домашнею ихъ церковію. „Привѣтствуйте Прискиллу и Акылу, сотрудниковъ моихъ во Христѣ Исусѣ... и домашнюю ихъ церковь“ (*καὶ τῆν κατ' οἶκον αὐτῶν ἐκκλησίαν*)¹⁾. Не о зданіи, конечно, идетъ здѣсь рѣчь и немислимо посылать привѣтствіе помѣщенію; но для насъ важна терминологія, именно та связь, въ какую поставлены здѣсь *ἐκκλησία* съ *οἶκος*, какъ религіозная община съ ея богослужебнымъ центромъ. Имѣя въ виду эту практику св. Іоаннъ Златоустъ въ свое время замѣтилъ: „прежде дома были церквами, а теперь церковь сдѣлалась домомъ“. Точно также какъ въ другомъ мѣстѣ, изображая строгіе нравы первыхъ христіанъ, выразился такимъ образомъ: „они (т. е. христіане) были такъ благочестивы, что могли и свой домъ превратить въ церковь“²⁾.

Само собою понятно, что не можетъ быть и рѣчи о точномъ воспроизведеніи первохристіанскаго молитвеннаго дома. Не только не сохранилось его изображеній, но нѣтъ и сколько-нибудь удовлетворительнаго описанія его устройства, даже указаній на ту обстановку, которою эти модели хотя бы на время богослужебныхъ собраній отли-

1) Римл. XVI, 3—4; см. Колос. IV, 15; Филип. I, 2 и др.

2) In Matth. XXXII: *τότε αἱ οἰκίαι ἐκκλησίαι ἦσαν, νυνὶ δὲ ἡ ἐκκλησία οἰκία γέγονε*. In Epist. ad Rom. XXX: *οὕτω γὰρ ἦσαν εὐδόκιμοι, ὡς καὶ τὴν οἰκίαν ἐκκλησίαν ποιῆσαι*.

чались отъ обыкновенныхъ христіанскихъ жилищъ того времени. Приходится поэтому отмѣтить лишь нѣсколько подробностей этого архаическаго христіанскаго храма по краткимъ отрывочнымъ извѣстіямъ и случайнымъ замѣткамъ, дошедшимъ до насъ отъ тогдашнихъ писателей.— По вознесеніи Господа, ученики Его, возвратившись съ горы Елеонской въ Иерусалимъ, *взошли въ горницу* (*ἀνέβησαν εἰς τὸ ὑπερώϊον*), гдѣ и пребывали всѣ единодушно въ молитвѣ (Дѣян. I, 13). Въ *горницу* (*ἐν ὑπερώϊῳ*) была положена Тавиоа въ ожиданіи погребенія (Дѣян. IX, 37. 39). Въ тѣхъ же Дѣяніяхъ апостольскихъ разсказывается о посѣщеніи ап. Павломъ Трояды и о молитвенномъ собраніи, которое имѣлъ здѣсь апостоль съ другими вѣрующими. „Во время продолжительной бесѣды Павловой, одинъ юноша, именемъ Евтихъ, сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ глубокій сонъ и, пошатнувшись, упалъ внизъ съ *третьяго жилища* и поднять былъ мертвымъ“ (Дѣян. XX, 9). Домъ былъ *трехэтажный* (*τρίστοιχος*), а горница, въ которой происходило собраніе и преломленіе хлѣба, имѣла окна и ночью освѣщалась довольно значительнымъ числомъ свѣтильниковъ. Такимъ образомъ нѣсколько одновременныхъ свидѣтельствъ указываютъ на помѣщеніе богослужебныхъ собраній христіанъ въ верхней части жилища, *во внутренней комнатѣ верхняго этажа* дома. На такое положеніе христіанскихъ молеленъ дѣлаетъ нѣсколько намековъ и авторъ *Филопатриса* — извѣстнаго сатирическаго произведенія, гдѣ осмѣиваются нравы христіанъ ¹⁾. „Случай завелъ меня въ незнакомый домъ“, говоритъ онъ отъ имени героя своего произведенія; „поднявшись по лѣстницѣ, я очутился въ комнатѣ съ вызолоченными карнизами, которая напоминала собою палаты Менелая. Здѣсь я нашелъ впрочемъ не прекрасную Елену (виновницу Троянскаго побоища), а колѣнопреклоненныхъ людей съ блѣдными лицами“. Нѣтъ основанія видѣть въ этомъ мѣстѣ лишь одну карриатуру и упрекать автора въ зло-

1) Время написанія и авторъ названнаго произведенія положительно неизвѣстны. Въ старое время *Филопатрисъ* приписывался извѣстному Лукіану Самосатскому, но историческая критика признаетъ его сочиненіемъ не ранѣйшимъ IV вѣка и даже гораздо позднѣйшимъ. Во всякомъ разѣ нѣтъ основаній отрицать въ авторѣ *Филопатриса* знакомства съ порядками древне-христіанскими.

намѣренномъ искаженіи дѣла; въ словахъ его не трудно подмѣтить и черты, указывающія на молитвенное собраніе христіанъ въ домѣ какого-либо изъ своихъ богатыхъ сочленовъ. Христіанство съ самыхъ первыхъ временъ не было религіей только бѣдняковъ. Ананія и Сапфира были владѣтелями поземельной собственности; Филимонъ, къ которому ап. Павелъ писалъ посланіе, имѣлъ раба, за котораго апостоль ходатайствуетъ. Великое множество христіанъ въ Римѣ, какъ показываютъ катакомбные памятники и надписи, состояло не изъ однихъ рабовъ, но и изъ лицъ богатыхъ и знатнаго происхожденія.

Представленное описаніе первохристіанскаго молитвеннаго дома до того обще и блѣдно, что можетъ быть отнесено ко всякому жилью, ко всякому помѣщенію, безотносительно къ тому особому назначенію, какое они получали въ богослужебномъ употребленіи христіанъ. Это обстоятельство приобрѣтаетъ особенную важность въ глазахъ изслѣдователей. Такъ какъ устройство обыкновенныхъ жилищъ того времени, особенно греко-римскихъ домовъ, довольно хорошо извѣстно, то ученые путемъ разсмотрѣнія внутренняго расположенія послѣднихъ надѣются дать нѣсколько болѣе опредѣленныхъ и подробныхъ указаній на помѣщеніе и убранство первохристіанскихъ моленъ.

Словомъ *oikos*, которымъ называются иногда въ Дѣянїяхъ и Посланїяхъ Апостольскихъ мѣста молитвенныхъ собраній христіанъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, обозначались въ первое время христіанства не вообще дома, а извѣстнаго устройства и назначенія комнаты въ нихъ. Если это положеніе еще не можетъ считаться доказаннымъ въ отношеніи къ еврейскимъ и вообще восточнымъ жилищамъ, то оно должно быть признано безспорнымъ по отношенію къ греко-римскимъ домамъ. До насъ сохранились образчики послѣднихъ въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, гдѣ ихъ открыли подъ массою лавы, выброшенной Везувіемъ въ 79-мъ году по Рождествѣ Христовомъ. Судя по этимъ сравнительно хорошо сохранившимся памятникамъ и описанїямъ Витрувія, специалиста-архитектора временъ Августа, помпейскіе дома¹⁾,

¹⁾ Описаніе помпейскихъ домовъ и планъ одного изъ нихъ см. у *Классовскаго*: Помпея и открытыя въ ней древности, стр. 65—74. 176—178. С.-Петербург. 1856.

при поразительномъ сходствѣ между собой, почти всѣ были двухъ-этажные, состояли изъ множества маленькихъ комнатъ и были раздѣлены на двѣ половины: переднюю—*публичную* и заднюю—*семейную*. Узкимъ проходомъ—нашею переднюю—входили съ улицы въ такъ называемый *атріумъ*—довольно большой четырехъугольный залъ съ отверстіемъ по срединѣ крыши для пропуска свѣта и для проведенія дождевой воды, лившейся въ каменный резервуаръ, устроенный на полу. Около атріума группировался рядъ маленькихъ комнатъ, хозяйственное и житейское назначеніе которыхъ трудно опредѣлить теперь съ точностію, точно также какъ ихъ число и относительное положеніе. Видно только, что римляне того времени жили гораздо тѣснѣе и уютнѣе, чѣмъ живемъ теперь мы. Къ задней сторонѣ атріума, прямо противъ входа съ улицы, примыкала *таблиціи*, служившій чѣмъ-то въ родѣ кабинета для хозяина дома, гдѣ онъ принималъ посѣтителей по дѣламъ. Этою рабочею комнатою оканчивалась передняя половина дома, сообщавшаяся съ заднею, доступной только для друзей и близкихъ знакомыхъ, посредствомъ корридоровъ. Центральную часть семейнаго помѣщенія составлялъ *перистиль*—большой великолѣпный залъ, получившій свое названіе отъ поставленныхъ параллельно стѣнамъ его рядовъ колоннъ. Подобно атріуму перистиль получалъ освѣщеніе сверху и снабженъ былъ также бассейномъ. По бокамъ его шли небольшихъ размѣровъ семейныя комнаты, какъ-то: спальня, столовая, гардеробная и друг. Продолжая путь черезъ перистиль въ глубь дома, мы встрѣчаемъ ближе или дальше отъ него *продолговатое четырехъугольное* помѣщеніе, извѣстное подъ именемъ *оѳкоз-а* (по-латыни *oesus*). Что такое былъ этотъ *оѳкоз*? При неодинаковости своихъ размѣровъ и устройства въ различныхъ римскихъ домахъ, все же это былъ довольно обширный залъ, *дѣлвшійся иногда по длинѣ на три части двумя рядами колоннъ*, поддерживавшихъ кровлю. Онъ превосходилъ окружавшіе перистиль семейныя покои не только своею обширностію и величиной оконъ и дверей, но и убранствомъ. Стѣны его росписывались живописью, полъ отдѣлывался мозаикой, а для ночнаго освѣщенія по стѣнамъ висѣли лампы и люстры. Составляя наиболѣе помѣстительную и почетную часть хозяйской половины, эти

вкусы или икосы служили праздничною столовою или *триклиніемъ*, въ которомъ сходились для пиршествъ и бесѣдъ не только члены семьи, но близкіе знакомые и друзья хозяина дома. Эти-то просторныя комнаты, удаленныя отъ уличнаго шума и нескромнаго посторонняго взгляда, при томъ-же хорошо обставленныя, и могли служить, по мнѣнію ученыхъ, удобнымъ помѣщеніемъ для христіанъ на время многолюдныхъ собраній для совѣщаній между собой, молитвъ, совершенія евхаристіи и соединенныхъ съ нею вечерей любви. Предположеніе весьма правдоподобное, оправдываемое до нѣкоторой степени и евангельскимъ повѣствованіемъ. Комната, въ которой собирались первые вѣрующіе, предназначена была для вечерей, служила столовою. Воскресшій Христосъ, явившись одиннадцати ученикамъ Своимъ, засталъ ихъ *возлежавшими* (*ἀνακειμένους*), спросилъ о пищѣ, и они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда (Марк. XVI, 14; Лук, XXIV, 41—42). Вѣроятность предположенія возрастаетъ еще больше отъ того, что Витрувійемъ и другими древними писателями отмѣченные нами икосы сопоставляются и даже отождествляются съ *домовыми базиликами* (*basilicae domesticae*)—тѣми великолѣпнѣйшими и громаднѣйшими залами, которые устроились во дворцахъ цезарей и въ палатахъ знатнѣйшихъ римскихъ гражданъ. Но что домовыя базилики имѣли иногда богослужбное назначеніе, это доказывается отчасти сходствомъ ихъ съ структурой первыхъ христіанскихъ *базилическихъ* церквей, но главнымъ образомъ положительными историческими данными. Въ такъ называемыхъ „Воспоминаніяхъ св. Климента“ разсказывается, что одинъ изъ знатныхъ христіанъ въ Антиохіи, по имени Теофиль, „освятилъ подъ именемъ церкви огромную базилику своего дома“ (*ut domus suae ingentem basilicam ecclesiae nomine consecraret*) и передалъ ее въ распоряженіе своихъ единовѣрцевъ ¹⁾.

Итакъ первыми христіанскими церквами, выражаясь не точно и предположительно, были *столовые* залы частныхъ домовъ. Избирая эти, а не другія помѣщенія для своихъ богослужбныхъ собраній, христіане безъ сомнѣнія дѣлали въ нихъ и нѣкоторыя принаровленія, сообразно съ потреб-

1) Recognit. s. Clement. X. 71.

ностями своего богослуженія. Столъ, сѣдалища и другія необходимыя принадлежности обычныхъ столовыхъ могли, конечно, служить естественною оботановкой христіанскихъ молитвенныхъ собраній и связанныхъ съ ними религіозныхъ отпращиваній, но послѣднія, разумѣется, не могли совѣмъ обойтись безъ особыхъ нарочитыхъ приспособленій. Самъ Спаситель прежде, чѣмъ совершить послѣднюю вечерю, посылаетъ напередъ двухъ учениковъ Своихъ, чтобы они *привотворили Ему ѣсть пасху*; Онъ совершаетъ послѣднюю и учреждаетъ новозавѣтное таинство *въ горницѣ большой, устланной* и уже *готовой*. Примѣръ Господа былъ священнымъ и обязательнымъ для всѣхъ вѣровавшихъ въ Него. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, нельзя сказать впрочемъ опредѣленно, въ чемъ именно выразились заботы первыхъ христіанъ по устройству и принаровленію примѣнительно къ нуждамъ христіанскаго богослуженія своихъ домовыхъ помѣщеній. Можно лишь предполагать съ большою однако вѣроятностію, что приспособленія эти состояли въ приготовленіи стола для совершенія евхаристіи, возвышенія для чтеца, мѣстъ для священнодѣйствующихъ и молящихся и особаго столика, а можетъ быть и отдѣльной комнатки, куда складывались приношенія вѣрующихъ до выдѣленія изъ нихъ веществъ, необходимыхъ для таинства. Въ *Апостольскихъ Постановленіяхъ* молитвенный домъ, какъ сейчасъ увидимъ, является уже съ довольно сложными приспособленіями, необходимыми для совершенія евхаристіи епископомъ съ сослужащими ему пресвитерами и діаконами, въ виду многолюднаго собранія. Правда, памятникъ, на который я ссылаюсь, немного позднѣе времени, о которомъ веду рѣчь; но не надобно забывать, что описываемый въ немъ образъ храма и порядокъ, строго наблюдавшійся въ послѣднемъ, явились не вдругъ, а слагались постепенно и, нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ въ своей основѣ первохристіанскій молитвенный домъ съ его апостольскою практикою.

Обычай домашнихъ собраній для молитвы, вызванный особыми обстоятельствами, въ которыхъ находилась юная, небогатая и гонимая христіанская община, не былъ впрочемъ явленіемъ только вынужденнымъ, а потому и не прекратился съ вѣкомъ апостольскимъ. Находя себѣ опору въ патріархальномъ строѣ семьи и въ недостаткѣ открытыхъ

и исполнѣ помѣстительныхъ церквей, поддерживаемый стѣсненнымъ положеніемъ христіанъ въ греко-римскомъ мірѣ, этотъ обычай глубоко вошелъ въ нравы христіанскаго общества и выразился въ устройствѣ молеленъ или маленькихъ церквей въ домахъ. „И *дома Божіи*“ (*τοὺς οἴκους τοῦ Θεοῦ*), говорятъ о послѣднихъ отцы Гангрскаго собора, „почитаемъ и собранія, бывающія въ нихъ, яко святыя и полезныя приедемъ, не заключая благочестія въ домахъ, но почитая всякое мѣсто, созданное во имя Божіе“ (прав. 21.). Въ каноническихъ памятникахъ они чаще называются *οἱ ἐκτῆροι οἴκοι ἔνδοξ οἰκίας*. Въ этихъ *молитвенныхъ храминахъ*, внутри домовъ находившихся, христіане продолжали по-прежнему собираться на молитву, совершать евхаристію, крестить и отпѣвать. Впрочемъ въ виду появившихся врсмя отъ времени еретиковъ и раскольниковъ, державшихся ложнаго ученія, особыхъ обычаевъ и чуждавшихся іерархіи и общественнаго богослуженія, церковная власть стала съ недоувѣріемъ относиться къ этимъ закрытымъ домашнимъ собраниямъ и мало по малу стѣснять ихъ самостоятельность. Отсюда отправляется длинный рядъ положительныхъ дисциплинарныхъ мѣръ, идущихъ съ IV вѣка и направленныхъ къ ограниченію домашнихъ собраний для богослуженія. Такъ Гангрскій соборъ, слова котораго о домахъ Божіихъ мы только что привели, подвергаетъ отлученію тѣхъ, которые составляютъ особыя собранія, „не имѣя съ собою пресвитера по волѣ епископа“ (прав. 6); Лаодикійскій соборъ не дозволяетъ совершать евхаристію въ домахъ (прав. 58); Трулльскій соборъ запрещаетъ крестить *въ молитвенницѣ, внутри дома обрѣтающейся* (прав. 59 сн. пр. 31), а второй Карѣагенскій соборъ постановилъ на этотъ счетъ еще болѣе строгія правила. Имѣя въ виду схизматиковъ своего времени, св. Василій Великій говорилъ также: „*послушайте вы оставляющіе церковь (τὴν ἐκκλησίαν) и собирающіеся въ общихъ домахъ, гдѣ приносите жалкіе обломки (мнимо) честнаго тѣла: возносить молитвы должно среди Іерусалима, то есть церкви Божіей* 1)“.

---

1) Homil. in Psalm. CXV.

Трудно съ точностію опредѣлить, съ какого времени христіане начали строить особыя зданія для своихъ богослужебныхъ собраній, когда появились у нихъ первые *открытыя храмы*, на которые указываетъ сектантамъ въ вышеприведенныхъ словахъ кесарійскій архипастыръ. И эта трудность возрастаетъ еще больше оттого, что черта, отдѣляющая домашнюю молельню отъ храма въ собственномъ смыслѣ, почти неуловима и переходъ отъ первой къ послѣднему могъ совершиться, благодаря самымъ незначительнымъ приспособленіямъ. Молитвенное зданіе могло быть болѣе или менѣе выдающимся и открытымъ, судя по тому, каково было положеніе христіанъ въ той или другой мѣстности и зависѣло въ сильной степени отъ матеріальныхъ средствъ общины. Какъ понимать слова: *οἶκος, ἐκκλησία* и другія синонимическія выраженія писателей первыхъ вѣковъ, когда дѣло касается внѣшняго вида церковныхъ зданій,—вопросъ этотъ останется неразрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ имѣть болѣе конкретныхъ признаковъ, объясняющихъ эти выраженія примѣнительно къ формѣ первохристіанскихъ молитвенныхъ зданій. Впрочемъ къ концу втораго и въ началѣ третьяго вѣка уже проскользаютъ извѣстія о существованіи открытыхъ храмовъ у христіанъ, и я приведу изъ нихъ болѣе типичныя и достовѣрныя.

Въ началѣ III вѣка большая часть малоазійскихъ областныхъ городовъ уже имѣла у себя церковную іерархію, и христіанскія общины группировались около своихъ епископовъ съ подчиненнымъ имъ клиромъ. Закладка и построеніе церквей входили въ кругъ ихъ пастырскихъ заботъ и были однимъ изъ средствъ объединенія самыхъ общинъ. Св. Григорій Нисскій въ „*Словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца*“ такъ представляетъ его дѣятельность на этомъ поприщѣ: прибывъ въ Неокесарію, онъ „тотчасъ приступилъ къ *построенію храма*, потому что всѣ деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію. Этотъ храмъ есть тотъ самый, строенію котораго онъ положилъ начало, а достойно украсилъ его одинъ изъ его преемниковъ. Храмъ сей видимъ донинѣ.... Сей великій мужъ заложилъ его *на самомъ видномъ мѣстѣ* города, полагая какъ-бы нѣкоторое основаніе своего святительства, и совершилъ это дѣло при помощи божественной силы, какъ свидѣтельствуется по-

слѣдующее время. Ибо во время случившагося въ наши времена въ городѣ сильнѣйшаго землетрясенія, когда почти все до основанія погибло, когда всѣ зданія, какъ частныя, такъ и общественныя разрушились и обратились въ развалины,—одинъ сей храмъ остался цѣлымъ и невредимымъ“... Жители сосѣдняго съ Неокесаріей города Команы посылаютъ къ св. Григорію посольство съ просьбою, „чтобъ онъ пришелъ къ нимъ и находящуюся у нихъ церковь утвердилъ священствомъ“, т. е. „назначилъ кого-либо изъ нихъ въ епископы *устроенной* у нихъ *церкви*“¹⁾. — Другое болѣе извѣстное и раннее свидѣтельство относится ко времени императора Александра Севера (222—235) и связывается съ его личнымъ отношеніемъ къ христіанству. Этотъ государь отличался вѣротерпимостію и довольно благосклонно относился къ религіознымъ обществамъ имперіи. Уважая Христа, какъ замѣчательную историческую личность, онъ поставилъ Его образъ въ своей божицѣ (in laqueo) вмѣстѣ съ изображеніями Авраама, Орфея и другихъ отечественныхъ боговъ. Слѣдующій рассказъ даетъ понять, что Северъ не только терпѣлъ христіанъ, но даже позволялъ имъ открыто отправлять свое богослуженіе. Христіане приобрѣли, вѣроятно, покупкой участокъ общественной земли (quendam locum, qui publicus fuerat) и хотѣли построить на немъ церковь. Мѣсто это, должно быть, оказалось выгоднымъ для постройки гостинницы, и трактирщики начали съ христіанами процессъ. Когда дѣло доложено было императору, онъ распорядился въ пользу христіанъ и выразился такимъ образомъ: *лучше пусть на этомъ мѣстѣ поклоняются Божеству* какимъ-бы то ни было образомъ, чѣмъ отдавать его попинаріямъ (rescripsit, melius esse, ut quomodocunque illic Deus colatur, quam popinarüs dedatur)²⁾. — Изображая спокойное положеніе христіанской церкви при императорахъ, предшествовавшихъ Діоклетіану, Евсевій не находитъ словъ для выраженія своей радости при представленіи этого благоденствія. „Кто и какъ опишетъ, спрашиваетъ онъ, эти многочисленныя обращенія ко Христу, это множество со-

¹⁾ Творен. св. Григорія Нисскаго въ русск. перев. ч. VIII, стр. 159—160. 170—171.

²⁾ Lamprid. Vita Alexandr. Sever cap. XLIX.

браній во всякомъ городѣ и эти замѣчательныя сточенія *въ молитвенныхъ домахъ* (*ἐν τοῖς προσευκτηρίοις*),—отъ чего, не довольствуясь уже старыми зданіями, христіане *по всѣмъ городамъ начали строить съ самаго основанія обширныя церкви*“ (*εὐρείας εἰς πλάτος ἀπὸ πάσας τὰς πόλεις ἐκ θεμελίων ἀνίστων ἑλληνικός*)¹⁾. Замѣчательно, что эдиктъ Діоклетіана направляется съ особенною силою противъ ихъ богослужебныхъ зданій и повелѣваетъ „повсюду разрушать церкви до основанія“. „Мы собственными глазами видѣли, замѣчаешь по этому поводу историкъ церкви, и разрушеніе молитвенныхъ домовъ съ верху до низу (*ἐξ ὕψους εἰς ἕδαφος*)—до самыхъ основаній, и сожженіе божественныхъ и священныхъ книгъ среди площадей“²⁾... Все это показываетъ, что церкви въ то время уже составляли видную собственность христіанъ и вошли въ число предметовъ, подвергавшихся правительственному преслѣдованію. А наковы были эти церкви,—можно отчасти судить по слѣдующему разсказу Лактанція. Въ Никомидіи—резиденціи Діоклетіана былъ разрушенъ принадлежавшій христіанамъ храмъ, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло его разрушеніе. „Съ первымъ разсвѣтомъ дня пришли къ церкви нашей военные и полицейскіе чиновники съ значительнымъ отрядомъ стражи и, разломавъ двери, стали искать изображенія Божества, жечь священныя книги, все грабить и разрушать. Одни расхищали всякаго рода вещи, другіе отъ страху бѣжали. Галерій и Діоклетіанъ равнодушно смотрѣли на это позорище, ибо никомидійская церковь была построена *на возвышеніи* и можно было видѣть ее изъ дворца. Они разсуждали между собою, предать-ли сожженію это священное зданіе“. Изъ опасенія пожара, который могъ угрожать сосѣднимъ постройкамъ, рѣшено было разломать его. „Тогда подступили къ нему вооруженные топорами и другими орудіями преторіанцы, и хотя храмъ былъ *весьма высокъ* (*editissimum*), но въ короткое время разрушенъ до основанія“³⁾. Отсюда видно, что никомидійская церковь представляла изъ себя зданіе довольно большихъ размѣровъ, поднимавшееся на

1) *Histor. Eccles.* l. VIII c. 1; русск. перев. т. I, стр. 468—469.

2) *Ibid.* VIII. 2; русск. перев. т. I, стр. 470—471.

3) *De morte Persecut.* cap. XII; русск. перев. ч. 2, стр. 168.

значительную высоту и окруженное общественными постройками. Но возможность сломать ее хотя бы и средствами цѣлой когорты показываетъ, что это не было зданіе твердой постройки и не выдѣлялось въ этомъ отношеніи отъ обыкновенныхъ жилыхъ домовъ.

Для полноты этого очерка приведу еще нѣсколько извѣстій и соображеній о положеніи, видѣ и внутреннемъ устройствѣ первыхъ открытыхъ храмовъ христіанъ. Тертуллианъ въ своемъ трактатѣ *объ идолопоклонствѣ* (cap. VII), говоря о христіанскихъ художникахъ, занимавшихся приготовленіемъ языческихъ статуй, выражается въ одномъ мѣстѣ такимъ образомъ: „не горько ли видѣть, какъ христіанинъ, оставляя на время идоловъ, приходитъ въ нашу *церковь*; какъ онъ изъ мастерской демона является *въ домъ Божій*“¹⁾. Сами по себѣ эти слова конечно не даютъ прямого указанія на существованіе церкви, какъ открытаго зданія, предназначеннаго для общественнаго богослуженія; выраженія: *ecclesia* и *domus Dei* можно здѣсь съ полнымъ правомъ принимать и въ смыслѣ домашняго богослужебнаго помѣщенія, въ значеніи молитвенной храмины. Но у Тертуллиана есть другое мѣсто въ сочиненіи противъ Валентиніанъ, изъ котораго видно, что рѣчь идетъ у него объ открытомъ храмѣ, какъ зданіи съ опредѣленнымъ назначеніемъ и установившимся, если можно такъ выразиться, архитектурнымъ планомъ. „*Домъ нашего голубя*, говоритъ онъ своимъ обычнымъ фигуральнымъ языкомъ, *простъ, всегда на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ и обращенъ къ свѣту*: образъ св. Духа любитъ востокъ—образъ Христа“²⁾. Здѣсь подъ домомъ голубя (*domus columbae*) въ противоположность еретическимъ собраніямъ Тертуллианъ разумѣетъ христіанскія собранія и ихъ средоточіе—христіанскую церковь. Чтобы подкрѣпить эту мысль, приведу очень похожее мѣсто изъ второй книги 57-й главы *Апостольскихъ Постановленій*, гдѣ въ болѣе конкретныхъ и подробныхъ чертахъ описывается *устройство* христіанскаго храма. Хотя

¹⁾ Творени. Тертуллиана въ русск. перев. ч. 1, стр. 122–123.

²⁾ Adv. Valentinian, cap. III: nostrae columbae domus simplex in editis semper et apertis ad lucem; amat figura Spiritus Sancti orientem Christi figuram; русск. перев. ч. IV, стр. 32.

вторая книга *Постановлений* будетъ немного моложе названныхъ трактатовъ Тертуліана и признается въ своемъ настоящемъ видѣ произведеніемъ третьяго вѣка, однако не должно упускать изъ вниманія и того обстоятельства, что ни одна типичная архитектурная форма не появляется сразу, какъ *deus ex machina*. „Да будетъ, говорится здѣсь, *зданіе продолговато, обращено на востокъ, съ пастоборіями по обѣимъ сторонамъ къ востоку*, подобно кораблю ¹⁾). Въ срединѣ да будетъ поставленъ престолъ епископа, по обѣимъ же сторонамъ его пусть сидятъ „пресвитеры, а діаконы пусть стоятъ около одѣтые въ полное облаченіе... По ихъ распоряженію *въ другой части зданія* пусть сядутъ міряне съ полнымъ безмолвіемъ и благочиніемъ, а женщины отдѣльно, и онѣ пусть сидятъ, соблюдая молчаніе. Въ срединѣ же чтець, ставъ *на нѣкоторомъ возвышеніи*, пусть читаетъ книги Моисеевы... А привратники пусть стоятъ при входахъ мужчинъ, охраняя ихъ, діакониссы же при входахъ женщинъ“... Въ восьмой книгѣ того же памятника еще съ большею ясностію обрисовывается передъ нами первая часть храма (*βῆμα*) или *олтарь съ жертвенникомъ* (*θυσιαστήριον*), возлѣ котораго располагалось духовенство во главѣ съ епископомъ, совершавшимъ евхаристію ²⁾). Изъ каноническаго посланія св. Григорія Неокесарійскаго († послѣ 264 г.) извѣстно также, что не только полноправные члены христіанской общины, но и разные классы кяющихся занимали въ храмѣ свои опредѣленные мѣста. Такъ *плачущіе* стояли внѣ вратъ молитвеннаго дома (*ἔξω τῆς πόλης τοῦ εὐκτηρίου*), *слушающіе* внутри вратъ *въ притворѣ* (*ἐνδοθεν τῆς πόλης ἐν τῷ ναοῦ*), а *припадающіе* помѣщались уже внутри вратъ самаго храма (*ἔσωθεν τῆς πόλης τοῦ ναοῦ*).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ и историко-каноническихъ данныхъ легко усмотрѣть, что существованіе откры-

1) Ὁ οἶκος ἔστω ἐπιμήκης κατ' ἀνατολὰς τετραμμένος ἐξ ἐκατέρων τῶν μερῶν τὰ παστοφῶρια πρὸς ἀνατολήν, ὅστις ἔοικε νηϊ. Пастоборіи, по общепринятому мнѣнію,—боковыя отдѣленія олтаря, куда вносились діаконами послѣ причащенія остатки евхаристіи и гдѣ, надо полагать, предварительно складывались и хранились вмѣстѣ съ богослужебными принадлежностями приношенія вѣрующихъ. Constit. Apostol. lib. VIII cap. 13; Лаодик. соб. прав. 21.

2) Постан. Апост. въ русск. перев. стрр. 89—91. 266—268. 281 и друг.

тыхъ, довольно ясно опредѣлившись внутри и снаружи церковей у христіанъ конца втораго и третьяго вѣковъ составляетъ положительный историческій фактъ и само собою устраняетъ мысль противоположную. Но не смотря на то, противъ этого факта не очень давно возражали и находили, что преслѣдуемые язычниками христіане не могли совершать своего богослуженія открыто, а потому и не могли имѣть особыхъ храмовъ. Оставаясь въ предѣлахъ историческаго факта, не заподозривая подлинности документовъ, изъ которыхъ заимствуются нами представленныя свѣдѣнія, а заподозривать нѣтъ никакихъ основаній, нельзя не видѣть въ этомъ возраженіи нѣкоторыхъ недоразумѣній и натяжекъ, съ разъясненіемъ которыхъ и самое дѣло получаетъ совершенно иной видъ. Прежде всего нѣтъ надобности настаивать на многочисленности такихъ открытых храмовъ у христіанъ втораго и третьяго вѣковъ и предполагать въ нихъ въ полномъ смыслѣ слова монументальныя зданія, устроенныя съ большими издержками и роскошью. Первохристіанскіе *οἶκοι εὐχῆς, ἐκκλησίαι* могли возникать только въ тѣхъ мѣстностяхъ и тогда, гдѣ положеніе христіанъ было сколько-нибудь обезпеченнымъ отъ насилія язычниковъ, и когда правительственные лица не отличались фанатизмомъ и жестокостію. Что такія лица были, что для христіанъ наступали времена спокойствія болѣе или менѣе продолжительнаго, это можно видѣть уже изъ приведенныхъ словъ Евсевія. Не смотря на нѣкоторыя преувеличенія и свой пессимистическій взглядъ, названный историкъ о преемникахъ Валеріана и нѣкоторыхъ другихъ императорахъ отзывается какъ о лицахъ расположенныхъ къ христіанству или по-крайней мѣрѣ относившихся къ нему безразлично. Если мы припомнимъ также, что христіане втораго и слѣдующихъ вѣковъ продолжали совершать свои службы и молитвы въ частныхъ домахъ, то значительный процентъ христіанскихъ богослужебныхъ мѣстъ долженъ отойти къ этому роду храмовъ. Нельзя думать, чтобы собранія христіанъ въ этихъ домахъ были всегда тайными и запрещенными. Правительство объ этихъ сборищахъ могло знать и не препятствовать христіанамъ собираться, и это особенно вѣроятно въ такое время, когда во главѣ управления стояли люди благомыслящіе и справедливые. Стоило

теперь христіанамъ сдѣлать только одинъ шагъ впередъ, и ихъ молитвенный домъ легко могъ превратиться въ христіанскую церковь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Приспособленный къ открытому богослуженію и многочисленному собранію христіанъ, отмѣченный снаружи крестомъ или другимъ какимъ-либо внѣшнимъ, видимымъ знакомъ, указывающимъ на его священно-религіозное назначеніе, такой молитвенный домъ былъ именно тѣмъ самымъ открытымъ храмомъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, и возможность котораго заподозривали старые протестантскіе изслѣдователи.

Болѣе повидимому силы имѣло другое ихъ возраженіе, направлявшееся со стороны христіанскаго спиритуализма и не утратившее даже для нашего времени всего своего значенія. Смыслъ этого возраженія состоитъ въ томъ, что христіане первыхъ временъ чуждались религіозной внѣшности, не строили алтарей и храмовъ въ противоположность язычникамъ и этимъ самымъ возбуждали противъ себя подозрѣніе правительства, которое видѣло въ нихъ людей скрывавшихся и бѣгавшихъ свѣта, признавало ихъ тайною сектою, а собранія ихъ считало безнравственными и преступными. Поводъ къ такому заключенію даютъ отзывы нѣкоторыхъ апологетовъ: Минуція Феликса, Арнобія, Оригена и другихъ, которые на упрекъ язычниковъ, обращенный къ христіанамъ, что они не имѣютъ „никакихъ храмовъ, никакихъ жертвенниковъ, ни общепринятыхъ изображеній“, не только не отрицаютъ этого факта, но повидимому прямо съ нимъ соглашаются и видятъ въ этомъ отсутствіи у христіанъ религіозной внѣшности прямое достоинство христіанскаго богопочтенія по сравненію съ языческимъ. По словамъ Оригена, христіане не устроятъ храмовъ своему Богу, потому что *тѣла ихъ суть храмы Божіи*. По словамъ Минуція Феликса, для христіанъ вовсе и не нужны храмы и жертвенники. „Думаете-ли вы, спрашиваетъ онъ въ своемъ *Октавіи* язычниковъ, что мы скрываемъ предметъ нашего богопочтенія, если не имѣемъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ? Какое изображеніе Божіе я сдѣлаю, когда самъ человѣкъ правильно разсматриваемый есть образъ Божій? Какой храмъ Ему построю, когда весь этотъ міръ, созданный Его могуществомъ, не можетъ вмѣстить Его? И если я человѣкъ люблю жить просторно, то какъ заключу въ одномъ небольшомъ зданіи столь великое

существо! Не лучше ли содержать Его въ нашемъ умѣ, святить Его въ нашемъ сердцѣ“ ¹⁾? Но что, строго говоря, слѣдуетъ отсюда по отношенію къ занимающему насъ вопросу? То, что христіанство, какъ религія духа, полагаетъ всю суть отношеній къ Богу въ служеніи Ему духомъ и истиною; но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ отрицанія религіозной внѣшности и въ частности храмовъ въ принципѣ. Христіане довольствовались въ своихъ религіозныхъ отношеніяхъ самою скромною литургическою обстановкою, которая для тогдашнихъ римлянъ казалась чѣмъ-то невозможнымъ и представлялась какъ-бы отрицаніемъ внѣшняго богочтенія въ сравненіи съ массивными жертвенниками, монументальными зданіями и вообще *художественными* предметами языческаго культа. Привыкшій къ этой показной сторонѣ культа, язычникъ свысока смотрѣлъ на религію, бѣдную этими формами, и отсутствіе ихъ ставилъ въ упрекъ ея сторонникамъ. Христіанскій апологетъ аргументируетъ *ad hominem*, указывая значеніе, силу религіи въ духовномъ ея содержаніи. Внѣ этого апологетическаго приѣма онъ оставался бы въ завѣдомомъ противорѣчій съ положительными данными, съ которыми онъ былъ знакомъ по собственному опыту. Такъ уже ап. Павелъ упоминаетъ о существованіи *жертвенника* (*θυσιαστήριον*) или *престола* (*θρόνος*). Игнатій Богоносецъ говоритъ, что у христіанъ долженъ быть одинъ *жертвенникъ*, какъ и одинъ Христосъ. Въ *Откровеніи* Іоанна Богослова (XI, 1—2) идеальный храмъ Божій, размѣры котораго долженъ былъ снять тайнозритель, состоитъ изъ трехъ частей: *жертвенника*, мѣста для *поклоняющихся* и внѣшняго *двора* или преддверія. Тертуліанъ ясно говоритъ о престолѣ или жертвенникѣ, когда называетъ его *altare* и ага. Такимъ образомъ замѣчанія и сужденія апологетовъ объ отсутствіи у христіанъ храмовъ и жертвенниковъ не могутъ быть приняты въ собственномъ смыслѣ и противорѣчатъ фактическимъ даннымъ. Но, и оставя за апологетами эти сужденія, мы были бы неправы принимать ихъ за выраженіе возрѣвній всего тогдашняго христіанскаго общества и отождествлять возвышенныя пред-

¹⁾ Сочинн. древн. христ. апологетовъ въ русск. перев. П. А. Преображенскаго стр. 317. 320. 358. М. 1867; *Disputat. adv. gent. lib. VI cap. 1; Contra Celsum* l. VIII c. 9.

ставленія ученыхъ защитниковъ христіанства съ дѣйстви-
 тельнымъ положеніемъ вещей. Что Оригенъ, напримѣръ, въ
 своемъ отзывѣ стоитъ на абстрактной почвѣ и не передаетъ
 историческаго факта,—это можно утверждать на основаніи
 сего-же собственныхъ словъ, какъ скоро онъ спускается съ
 этой возвышенной области въ міръ обычныхъ житейскихъ
 отношеній и становится лицомъ къ лицу съ понятіями боль-
 шинства. Отправляясь отъ этого послѣдняго, въ одной изъ
 своихъ бесѣдъ онъ говоритъ о христіанахъ своего времени,
 что они воздавали почтеніе служителямъ Божиимъ, съ охо-
 тою слѣдовали ихъ наставленіямъ, съ искреннимъ располо-
 женіемъ и полною готовностію старались объ украшеніи
 храма и о службѣ при немъ, но мало заботились о внут-
 реннемъ очищеніи себя. Эта односторонность составляетъ
 конечно недостатокъ въ глазахъ проповѣдника, но тамъ,
 гдѣ существовала гармонія между расположеніемъ души и
 набожностію, тамъ достигалось и полное выраженіе христі-
 анскаго нравственнаго идеала. Въ другомъ мѣстѣ Оригенъ
 прямо констатируетъ фактъ существованія у христіанъ его
 времени храмовъ, когда говоритъ, что по случаю землетря-
 сенія, въ которомъ были обвинены христіане, открылось на
 нихъ преслѣдованіе и были сожжены ихъ церкви.

Такимъ образомъ аргументація противниковъ существо-
 ванія открытыхъ храмовъ у христіанъ втораго и третьяго
 вѣковъ опровергается внутреннимъ смысломъ приводимыхъ
 ими въ свою пользу свидѣтельствъ и наличными фактами.
 Въ основѣ ея лежитъ тенденціозная мысль, утратившая въ
 настоящее время всякое значеніе, благодаря успѣхамъ ис-
 торической науки и особенно археологическимъ открытіямъ.

А. Голубцовъ.

На русскомъ языкѣ по данному вопросу, помимо спеціальныхъ сочине-
 ній, намъ извѣстны статьи: *В. И. Долоцкого* „О христіанскихъ храмахъ“
 и *Н. В. Покровскаго* „Происхожденіе христіанскаго храма“ (Христ. Чтен.
 1847. II. 453. III. 131. IV. 282; 1879. II. 501); прот. *М. Богословскаго* „О
 храмахъ“ (Чтен. общ. люб. дух. просв. 1875. I. 399) и *Н. О. Красносель-
 цева* „О древней христіанской архитектурѣ“ (Прав. Соб. 1874. III. 103. 296.